

Хасилова Г.
**Язык художественных
произведений
Азизы Джафарзаде**

Использование фольклоризмов в художественном творчестве народного писателя Азербайджана Азизы Джафарзаде, прежде всего, вытекает из привязанности писателя к народной жизни, быту, вместе с тем, глубочайшего знания его обычаев и традиций, мышления и сознания. Все рассмотренные образцы показывают, что из мотивов этих фольклорных элементов, баяты, пословиц, поговорок, верований писатель творчески пользовался с определенной целью, для дополнения мысли, представления образа, раскрытия сюжетных деталей и пр. Обращение к жанрам и образцам устной народной литературы, привнеся в произведения писателя живой язык, романтический настрой, сильные характеры, обогатил и его художественную завершенность. Типизируя индивидуальный характер и черты каждого выбранного образа, героя в художественных произведениях, писатель создает в речи сообразно этим персонажам описание, портретные черты.

Ключевые слова: фольклоризм, творчество, писатель, Азиза Джафарзаде.

Hasilova G.
**Language of art works
of Aziza Jafarzade**

Use folklorisms in art creativity of Azerbaijan national writer Aziza Jafarzade, first of all, follows from attachment of the writer to national life, a life, at the same time, the most profound knowledge of its customs and traditions, thinking and consciousness. All considered samples show that from motives of these folklore elements, proverbs, sayings, beliefs the writer creatively used with a definite purpose, for addition of thought, representation of an image, disclosure of subject details and so forth. The appeal to genres and samples of oral national literature, having introduced in works of the writer a living language, a romantic spirit, strong characters. Typifying individual character and lines of each chosen image, the hero in works of art, the writer creates in the speech in compliance with these characters the description, portrait lines.

Key words: folklorizm, creativity, writer, Aziza Jafarzade.

Хасилова Г.
**Азиз Джафарзаде көркем
шығармаларының тілі**

Азербайжан халық жазушысы Азиз Джафарзаденің көркем шығармаларында фольклорды көп пайдалануы, бәрінен бұрын, жазушының халық өміріне, тұрмысына тығыз байлаулы болуымен бірге, халық өмірі туралы терең білім мен ойлауының молдығынан деп білеміз. Барлық кейіпкерлер бейнесін саралайтын болсақ, фольклорлық элементтер сарынынан көріп отырғанымыздай, бәйіттерді, мақалдар мен мәтелдерді, жаңылтпаштарды жазушы ойды толықтыру үшін, сюжеттік детальдарды ашу үшін, кейіпкер бейнесін беру сияқты белгілі бір мақсаттармен қолданған. Халық ауыз әдебиетінің жанрлары мен үлгілерін пайдалана отырып жазушы шығармасына көркем тіл, күшті характер, романтикалық көңіл-күй сыйлады. Шығарманың көркемдік шешім табуын байытты. Көркем шығармадағы таңдалған кейіпкер бейнесінің жекелеген сипаттары мен белгілерін жалпыландыра отырып, жазушы өзіндік сипаттаулар мен портреттік түрлерді жасап шығарды.

Түйін сөздер: фольклоризм, шығармашылық, жазушы, Азиза Джафарзаде.

**ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
АЗИЗЫ ДЖАФАРЗАДЕ**

Один из важных источников письменной литературы связан с использованием фольклорного языка. Отшлифовываясь в течение времени в вере, мышлении, сознании народа, дошедшие до сегодняшнего дня различные выражения-благопожелания, молитвы, проклятия, пословицы, поговорки и пр., начиная с классического периода, превратились в главный языковой элемент нашей современной литературы. Эти слова своей сжатой, лаконичной манерой, образностью превратились в подручное средство писателя в представлении, портретном изображении, типизации героя и т.п. В полноценном, реальном изображении народного быта, привязанный к этой жизни мастер слова ссылается на соответствующий языковой факт – фольклорный язык. В этом контексте знакомая с обычаями и традициями народа Азиза Джафарзаде тоже в языке своих романов выступала со схожих позиций. В таких романах литератора, как «*Aləmdə səsim var mənim*» – «В мире есть и мой голос», «*Vətənə qayıt*», – «Вернись на Родину», «*Yad et mən*» – «Помяни меня», «*Eldən elə*» – «Из края в край» широкое место уделялось связанным с устной литературой благопожеланиям, молитвам, проклятиям, пословицам, поговоркам.

Типизируя индивидуальный характер и черты каждого выбранного образа, героя в художественных произведениях, писатель создает в речи сообразно этим персонажам описание, портретные черты. Мировоззрение, быт, грамотность, положение в обществе и т.д. писателя обращается при представлении определенных образов к языковым элементам, сооруженным на соответствующих уподоблениях, сравнениях, эпитетах-метафорах. В это время большинство выбранных при представлении автором образа, персонажа выражений, фразеологических оборотов опирается на готовые выражения, отшлифованные в речи народа, его жизненном опыте. И в творчестве Азизы Джафарзаде портретные черты, природа, характер образов опирается на фольклорные выражения, взятые из народной разговорной речи:

«Ты иссохший пень, старуха, молодцы Адиль-хан Герая не могут от такой, как ты, дитя создать! [4, 5], «В твоих глазах в темноте и куст может верблюдом казаться...» [4, 296]. В романе «*Vətənə qayıt*» – «Вернись на Родину» напавший на на-

род Осман-бек выходит к пожилой женщине, старухе Севгили, не молящая врага о помощи старуха проклинает его. Говоря «Я рожу еще многих девушек по имени Гюльшад, Сума, Гаранфил...» старуха не сгибается перед врагом. Желая вонзить свой меч в живот старухи Осман оскорбляет её. В народе выражение «иссохший пень» используется в различной семантике. Давая это выражение, используемое в значении «преграда», «бесплодие», «старость», в речи врага, писатель показал и пожилой возраст женщины-матери, её «превращение в преграду» для врага, и вместе с тем, раскрыл неуважение врага к женщине, внутренне грубую, развращенную его натуру.

Или из романа «Yad et mənî» – «Помяни меня» речь, не соответствующую натуре Гюлю в присутствии мужчин писатель доносит до читателя тонким намеком: «... Новость была настолько неожиданной, что, даже обычно не любящий прислушиваться к женским новостям, пересудам Саххат спустился во двор, направился к тендиру. И отец его был там. Обычно «укрывавшаяся даже от воробья» бабушка Гюлю, от ужаса услышанной новости забыв обо всем на свете, даже о присутствии Моллы Алиаббаса, говорила...» [5, 27]. Проникший в женский характер, тонкости натуры писатель в своем романе «Vətənə qayıt» – «Вернись на Родину» так подчеркивает преувеличения, рассказ с упоением о неизвестных ей вещах бабушки Гюльсанам:

«Подожди, женщина, говорит, что всего один ребенок раздавлен ... в твоих глазах в темноте и куст может верблюдом казаться» [4, 296].

Использование народных выражений в творчестве Азизы Джафарзаде, с другой стороны, вытекает из механизма донесения состояния образов, существующих ситуаций художественным языком. В этой группе выражений образы создают общее представление у читателя о своих собственных трудностях, положении, в котором оказались, желаниях и пр.: «Дияр, ты же холостой парень, а я, как говорится, «надела покрывало вдовства, будучи наполовину девушкой, наполовину невесткой» и еще «остался порох в пороховницах», как говорит моя свекровь» [4, 295]. .

«Имущества нет, чтоб забрал враг, веры нет – чтобы шайтан» [4, 44], «когда родился с таким человеком, как Аскер-бек (пес с поддержкой волка задавит), на свадьбе участвовал и кровный враг Хосров-ага. [4, 143]. «А мне бояться уже поздно. Чего бояться ливня тому, кто под дож-

дем побывал?» [4, 267]. «Каждый должен одну жизнь, одна есть и у меня» [4, 267].

Существует несколько народных выражений, благопожеланий, проклятий, встречающихся в художественном наследии Азизы Джафарзаде, когда повторное использование одинаковых выражений в устах различных образов вытекает из глубины поэтической содержательности этих идиом, выражений. В романе «Vətənə qayıt»- «Вернись на Родину» Сурейя-ханум со страхом, что дочь её нисабейим окажется в руках врага, говорит: «Девушку забрали у меня. Боже, пепелище мое с холм будет, что мне делать, Аллах, куда обратиться? Помоги, о боже, ты сам мне помоги...» [4, 7]. А на другой странице романа проклятие матери Гюльнисы дается на основе одинакового народного выражения: «Бедное дитя, если бы сейчас была здесь, и ты давно уже вышла бы замуж, и я увидела бы лицо внука, стала бы бабушкой. Да чтоб стучали двери врага, пепелище было с холм...». В идиоме «Küllüyün tərəsən olmas!»- «пепелище с холм» поэтический смысл, увязываясь с «сгоранием человека», «уничтожением», «повторным воспламенением» и «переваливанием» пепла, выражает большую величину горя. Если в первом случае это выражение направлено на беду, которая может приключиться с образом, во втором моменте звучит в качестве молитвы-проклятия, адресованного врагу.

В той же позиции в романе «Из края в край» идиома «qabağına çör atan olmaıyb» «никто и сучка-соломинки не подбросит» повторно использовалась в отношении различных образов:

«...Не обижали ее из-за того, единственная дочь. Тюбетейку надела, платком покрылась, вуаль надела, в паранджу обернулась. Закрывалась, не закрывалась, все равно никто соломинки не подбросит...» [4, 247].

«Думала: «Интересно, кому приравнял меня? Кто подбросил соломинку? Знала бы, душу бы отняла» [6, 62].

В произведениях, вытекающих из более близкого знания Азизы Джафарзаде народной жизни и быта использование фольклорного языка иногда охватывает целое событие, положение. В романе писателя «Eldən-elə» – «Из края в край» бытовой разговор собравшихся сельских жителей, предполагавших кражу дервишем дочери Ярмухаммеда, в этом эпизоде был построен так, что хотя отдельные имена и не были даны, различное отношение к событию обобщается на основе народных выражений:

«-Даже сына у тебя нет. Напрасно, Не сыпь соль на рану и без того огорченного мужчины» [6, 173]. «- Да! Так и будет да!... Кто не бьет дочь, тот бьет по своим коленям. Не признали хлебо-сольные семьи прекрасных, достойных юношей своего народа, отдали ходящему по дворам нищему дервишу пустынь...» [6, 174]. «-Да заберет Аллах ваше терпение. Это судьба... Или каждая мать пожертвовала бы жизнью ради этой девушки...Приветливая, разговорчивая. Тогда все говорили: «Когда Аллах дает, пусть дает такую. Единственная...святая. И что теперь случилось? Не зная сути дела, что вы налетели как ворону и коршуны на этих бедолаг? Готовы склевать глаза как вороны» [6, 175]. «- Не окочурилась, в ад не попала. Путь будут целы мои портянки, и девушки лишь не находились! Чем плох мой брат двоюродный!» [6, 176].

Немалая часть народных выражений связана с благопожеланиями и проклятиями, где в художественных произведениях происхождение, вера, мышление, менталитет образа, наряду с теми или иными средствами, определяется и на основе одинаковых элементов языка. И из нашего фольклора известно, что «клятвы, молитвы, благопожелания, проклятия, являясь системными продуктами веры и убеждений, сформированных архаическим мышлением, семиотицизируют древние представления, взгляды, воззрения людей, а также отношение веры к выражению и слову» [1, 3].

Выделяемые характерными особенностями, соответствующими формулами благопожелание, молитва и проклятия, отличая в качестве этикета народной речи в художественных произведениях героев, оживляет этим этикетом их сознание, веру и эмоциональность. Охваченная в творчестве Азизы Джафарзаде, особенно романах, среда представляет собой мусульманский Восток, его быт, мировоззрение, образ жизни, жизнь. Вера, связанная с исламским мышлением в восточном сознании, находит свое отражение в мифологической образности. В романах в речевых этикетах, связанных с благопожеланиями образов Аллаху, его древнее, литературное существование, человеческая судьба, направленность жизни сохраняется мифологической верой: «Да услышит Всевышний из твоих уст» [6, 111]. «Да воздаст Аллах тебе в ином мире...» [6, 296]. «Да примет Бог каждое ваше пожелание» [6, 291]. «Да придаст Аллах силу твоим рукам!» [5, 294]. «Да сделает Аллах вас обеспеченным!», [5, 296]. «Двумя детьми держусь за этот мир, сделай моих детей с тысячами ветвей», [5, 62]. «Да сохранит

тебя Аллах, да сделай тебя Аллах счастливым, машаллах» [4, 63]. Указанные благопожелания-молитвы, обретшие наибольшую исполняемость выражениями в народной речи, были привнесены в письменную литературу писателем, автором без дополнительной краски, эстетико-художественного добавления. В лингвистических элементах указанных произведений также существует одинаковый момент. В романе «Yad et māni» – «Помяни меня» Гаджи Давуд, подняв Коран над головой склонившегося перед ним Аскер-бека, говорит: «Идя, дите мое, да будет над тобой взгляд Аллаха, милость пророка, не забудется меч ислама, всегда с победой колыхается знамя славного султана» [5, 95].

Известно, что формы благопожеланий, проклятий, связанные с самыми первичными представлениями, размышлениями, восходят к являющейся нашей знаменитой Огузнаме «Книге отца моего Коркута». И мифический корень, и поэтичность отдельных обрядов, ритуалов, различных героев, сказанных отдельно Деде Коркутом благопожеланий, молитв, проклятий, древние. Подчеркнем, что интонация, плавность – лиризм этих выражений в определенном смысле сохраняется в сегодняшней разговорной речи. В романе Азизы Джафарзаде «Eldən-elə» – «Из края в край» благопожелание паломника имама Рзы Зейналабдину совпадает с одинаковой архаичной языковой интонацией: «Кто ты, откуда? Не знаю, сынок! Будь под милосердием Аллаха. Когда дойдешь до моих лет, встреть честного друга. Если бы не ты, раньше переметной сумки своей сам бы остался на этих дорогах.. Всевышний сам един, ради единства опорой – помощью пусть станет, сбережет тебя от бед земли и неба, дите мое! Если есть отец-аксакал – глаза отца, если есть мать пожилая – её глаза пусть не перестанут смотреть на дороги. Если есть брат или сестра, пусть никогда не причитают над тобой «вай, брат наш» [6, 80].

Наряду с народными выражениями, вытекающими непосредственно из исламской мифологии, с уст образов звуча благопожелания, молитвы, связанные с различными верованиями и убеждениями, в большей степени обращает на себя здесь внимание в качестве индивидуально-речевого этикета:

«Пусть навсегда горит светильник «Дири Баба» [4, 291].

«Да сохрани тебя господь, клянусь тем тендиром с хлебом, в проклятых руинах сукиного сына и башмачник стал поэтом, претендует на написание стихотворения» [5, 237].

«Брат, ради Хазрета Аббаса не разыгрывай меня!...» [5, 148].

В отличие от благопожеланий, в творчестве А. Джафарзаде проклятия связаны с более оригинальным содержанием, формулами. Поэтический момент этих выражений, отдельно озвученных языком женских героинь, особо силен.

«Холоп, пепел тебе на голову, что ты тут делаешь? Ты работать пришел носильщиком, или смотреть на матушек (matışqa – обращение к русским девушкам в старом Баку) [5, 187].

«Если это ложь, то пусть Аллах отрубит все твои цепи...» [5, 120].

«Да унесет тебя черный ветер! Почему не умрешь еще» [6, 190].

«Чтоб не видела ты в своей жизни дня хорошего, чтоб ты не был счастлива! Эй женщина, чтоб твою стыдобу поскорее черные места прикрыли, ты рассеяла вражду между братом и сестрой...» [6, 190].

Наблюдаются в разговорной речи романов и сокращение полного варианта и подача в коротких выражениях ряда проклятий. Только в поэтической форме эти выражения используются как дополнительный определитель, указывающий знаковость субъекта, к которому обращаются и относятся. Часто встречающиеся в разговорной речи эти выражения в творчестве Азизы Джафарзаде чаще встречаются в виде народного языкового элемента: «Аааз, ааз, эй девушка, эй Гюлебетин, ээй... Аааз, может заведешь этих кур и цыплят в курятник. Не видишь разве, идет в черное одетый враг!...» [4, 37]. «... Ярмухаммед ни разу не поднял на нее руки, как всегда, сказав «эхх, скривившая рот», отругал её» [6, 151]. «... Ради Аллаха, Рейхан, не тереби эту измученную, жалко ее» [6, 48].

Как известно, возникновение относящихся к самым древним нашим выражениям благопожеланий, молитв, проклятий вытекает из демонстрации человеком своего отношения к «хорошему», «плохому» в быту, жизни, из веры в доброго и злого духа. «Клятва, молитва, проклятие, являясь непосредственно типом разговорного этикета, в действительности, будучи связаны с архаическими мифологическими воззрениями, представляют собой тип текста с мифологически-магической структурой, отражающей веру в магическую силу слова, чувство древней связи с ним. Не делая коренного различия между словом и указываемым им (клятвой, а также молитвой, благопожеланием, проклятием) объектом, в этом контексте отображает архаическое сознание, видящее слово с телом в одном ряду» [1, 3].

Среди образцов народного творчества пословицы и поговорки являются одним из важнейших источников, откуда подпитывается письменная литература. Особенно широкая галерея персонажей в сфере прозы, крупнообъемных романах и повестях, дифференцированные явления и обобщающее отношения к этим событиям всегда требовали лаконичной манеры выражения в языке, сознании писателя. Мировоззрение, характер, индивидуальный мир отдельных героев, авторское отношение к явлениям и событиям в произведении считает соответствующие обобщения важными, что качеством в народном творчестве в большей степени связана с семантикой пословиц, поговорок. С другой стороны, закрепление своего концептуального итога на одинаковом материале поднятыми в произведениях многосторонними нравственными и воспитательными вопросами более целесообразно. Так, «пословицы и поговорки, как с точки зрения фольклорной концепции, так и воспитательного значения фольклорного материала (то есть аксиологически) представляют собой несравненный материал воспитания. Нет такого обучающе-воспитательного вопроса, такого человеческого качества, о которых не было бы десятков пословиц и поговорок» [8, 28]. В связи с жанровой спецификой пословиц и поговорок многие назидательные мысли, воспитательные слова в романах обобщаются на основе образцов народной литературы.

Эти выражения, называемые из-за своего способа выражения, лаконичности содержания в фольклоре «крылатыми словами», «золотыми словами», особенно широко используются в письменной литературе. Только в фельетонном творчестве Джалил Мамедкулизаде эпиграфные, внутри текстовые формы, проблемы органического соединения, связанные непосредственно с содержанием этих выражений, превратились в тему широкого исследования. И в творчестве Азизы Джафарзаде встречаемся с богатым содержанием, эмоциональным выбором характеризующих простотой, сжатостью, резкостью, сатирическим тоном, обобщением и др. качествами пословиц и поговорок. В романах писателя эти выражения сначала привлекают внимание в сильных портретных чертах. Выражаемые в языке каждого из персонажей пословицы, поговорки, в основном, полноценно оживляют природу, характер образа. Например, «У дома без мужчины и светильник чахло горит» [4, 15]. «Вытягивай ноги по своему одеялу» [4, 25]. «Дорогу старшему, воду – младшему» [5, 40]. «Даже

одежда сношенниц в бауле не уживается друг с другом» [3, 216]. «Смотри на мать, бери дочь» [3, 296], и пр. пословицы и поговорки подобного рода, будучи построены на жалобах, недовольстве образов, порождаются из их бытового, жизненного ропота. Эти выражения, построенные на избранности образа, слабости характера, трудолюбии, отваге героев и пр. к тому же дополняют богатую галерею персонажей. Сравнение того или иного образа с отдельными персонажами, особенно с использованными в писательском сознании в положительном плане героями, осуществляется соответствующими пословицами. «Пощечинами раскрашивает лицо» [4, 43]. «Каков плов, такова и кастрюля» [3, 55]. «Пес с поддержкой волка задавит» [3, 142], «Бог велик, низ широк», «Трава растет на своих корнях» [5, 40] и другими подобными пословицами писатель дополняет портрет двуличных, неблагодарных, лживых и данных с пр. нравственными качествами образов.

Еще одной важной ветвью возможности использования в художественном творчестве пословиц и поговорок связано с прививанием нравственного воспитания, укоренившегося в народном мышлении. Из пословиц и поговорок, опирающихся на такие основы народной духовности, как призыв к труду, гуманизм, чувство человеколюбия, почтение к родителям, солидарность, писатель творчески воспользовавшись, обогатил свои произведения подобными ценными воспитательными мотивами: «Проклятие родителя бывает действенным» [3, 45]. «Ашуг

зовет виденное» [3, 71]. «Лиана извивается от доброты, змея – от яда» [4, 226]. «Из неочищенного риса плова не бывает» [4, 24]. и пр. пословицы, выражения избавляют писателя от схематизма, назидательного языка, сухого описания, заменяют при этом дидактику непосредственно народной разговорной речью, ее простотой, красотой.

Систематизируя рассматриваемые образцы, позиции пословиц, поговорок, благопожеланий, проклятий в творчестве Азизы Джафарзаде можно обобщить условно в следующей форме:

1. Заслуга народных выражений в раскрытии характера образов

2. Обогащение речи персонажей

3. Лаконичное выражение сущности того или иного события на основе народных выражений

Во всех случаях, использование фольклоризмов в художественном творчестве Азизы Джафарзаде, прежде всего, вытекает из привязанности писателя к народной жизни, быту, вместе с тем, глубочайшего знания его обычаев и традиций, мышления и сознания. Все рассмотренные образцы показывают, что из мотивов этих фольклорных элементов, баяты, пословиц, поговорок, верований писатель творчески пользовался с определенной целью, для дополнения мысли, представления образа, раскрытия сюжетных деталей и пр. Обращение к жанрам и образцам устной народной литературы, привнеся в произведения писателя живой язык, романтический настрой, сильные характеры, обогатил и его художественную завершенность.

Литература

- 1 Абдулла Б. Благопожелания... Проклятия. – Баку: Озан, 2010.
- 2 Джаббарлы Н. Литература нового поколения. – Баку, 2008.
- 3 Джафарзаде А. В мире есть голос мой. – Баку: Молодость, 1972.
- 4 Джафарзаде А. Вернись на Родину. – Баку: Молодость, 1977.
- 5 Джафарзаде А. Помяни меня. – Баку: Молодость, 1980.
- 6 Джафарзаде А. Из края в край. – Баку: Молодость, 1992.
- 7 Алишаноглу Т. Вопросы новейшей азербайджанской литературы. – Баку, 2012.
- 8 Гашимов А.Ш., Садыгов Ф. Б. Азербайджанская народная педагогика. – Баку, 1993.
- 9 Гусейнов А. Литература и время. – Баку: Писатель, 1980.
- 10 Набиев А. Жанры азербайджанского фольклора. – Баку, 1983.
- 11 Велиев В. Азербайджанский фольклор. – Баку: Просвещение, 1985.
- 12 Велиев В. Баяты. – Баку: Писатель, 1985.
- 13 Вафалы А. Физули и устная литература // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. Издательство АН Азербайджанской ССР. – Баку, 1966.
- 14 Эрнст Кассирер. Теория метофоры. – М.: Прогресс, 1990.

References

- 1 Abdulla B. Blagopozhelanija... Prokljatija. – Baku: Ozan, 2010.
- 2 Dzhabbarly N. Literatura novogo pokolenija. – Baku, 2008.
- 3 Dzhafarzade A. V mire est' golos moj. – Baku: Molodost', 1972.
- 4 Dzhafarzade A. Vernis' na Rodinu. – Baku: Molodost', 1977.
- 5 Dzhafarzade A. Pomjani menja. – Baku: Molodost', 1980.
- 6 Dzhafarzade A. Iz kraja v kraj. – Baku: Molodost', 1992.
- 7 Alishanoglu T. Voprosy novejshej azerbajdzhanskoj literatury. – Baku, 2012.
- 8 Gashimov A.Sh., Sadygov F. B. Azerbajdzhanskaja narodnaja pedagogika. – Baku, 1993.
- 9 Gusejnov A. Literatura i vremja. – Baku: Pisatel', 1980.
- 10 Nabiev A. Zhanry azerbajdzhanskogo fol'klora. – Baku, 1983.
- 11 Veliev V. Azerbajdzhanskij fol'klor. – Baku: Prosveshhenie, 1985.
- 12 Veliev V. Bajaty. – Baku: Pisatel', 1985.
- 13 Vafaly A. Fizuli i ustnaja literatura // Issledovanija po azerbajdzhanskoj ustnoj narodnoj literature. Izdatel'stvo AN Azerbajdzhanskoj SSR. – Baku, 1966.
- 14 Jernst Kassirer. Teorija metofory. – M.: Progress, 1990.